
КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОАДАПТАЦИИ РОССИЯН И ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

ИРИНА БРИТВИНА, ПОЛИНА ШУМИЛОВА

Один из присущих всему миру демографических процессов сегодня – массовая миграция из бедных стран в страны экономически и цивилизационно более развитые. Огромное количество людей временно или навсегда покидают родину и отправляются на поиски работы и лучших условий для жизни. Основными экспортёрами рабочей силы традиционно являются страны Латинской Америки для США и Канады, африканские и ближневосточные – для ЕС и страны Центральной и Юго-восточной Азии, а также Украина – для Российской Федерации. По косвенным данным в России живут около 30 млн иноэтнических мигрантов с постсоветского пространства, в большинстве своем из Центральной Азии. По данным Росстата за 2016 г. 37% из всего количества прибывших – выходцы из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана². Как утверждается в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³, количество их в ближайшее десятилетие только увеличится.

Принимая во внимание негативный опыт ЕС по решению проблем взаимного сосуществования европейцев и мигрантов из мусульманских стран, главным фактором, вызывающим беспокойство в России, является иноэтничность и принадлежность приезжих из Центральной Азии к чужой культуре. В этой связи, несмотря на высокую потребность в рабочей силе, российское общество недовольно мигрантами.

По сравнению с 1990-ми гг. в потоке мигрантов преобладают жители стран, культурная общность с которыми была утрачена с развалом СССР. В них выросло несколько поколений, не знающих русского языка. Россияне в свою очередь плохо осведомлены о культурах стран Центральной Азии. При этом в информационном поле присутствует огромное количество негативных сообщений об экономической и социальной отсталости Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, криминальных и террористических

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-33-00010/17 – ОГОН.

² См. Официальный сайт Федеральной службы статистики // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

³ См. Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635>

действиях представителей исламского мира. Рассуждая о трудовых мигрантах из Центральной Азии, большинство россиян оперируют категориями стигматизации. Основной шаблон, формирующий общее отношение к мигрантам, – это взгляд на них как людей более низкого общественного статуса, отличающихся религиозно, внешними данными, асоциальным поведением, антисанитарным образом жизни, цивилизационной неразвитостью. Соответственно чаще всего на мигрантов смотрят с пренебрежением как на дешевую рабочую силу и стремятся максимально дистанцироваться от них в повседневной жизни.

Мы опираемся на данные двух социологических исследований, проведенных под руководством проф. И. Бритвиной в 2016 г. методом анкетного опроса и стандартизированных интервью жителей Екатеринбурга (N=485) и живущих в Екатеринбурге иноэтничных мигрантов из Центральной Азии (N=231).

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что дистантность россиян по отношению к мигрантам действительно велика. В результате исследования был выявлен индекс социальной дистанции, который основан на субъективном ощущении екатеринбуржцев в отношении культурной чуждости мигрантов. Мы измеряли социальную дистанцию по шкале Э. Богардуса следующим образом: от 1 балла (возможность брачных отношений с представителями другого этноса) до 7 баллов (невозможность быть гражданами одного государства). Шкала была построена по кумулятивному принципу. Соответственно, чем индекс, полученный как средняя взвешенная суммы всех выборов, ближе к 1, тем социальная дистанция между этническими группами ощущается респондентами как более короткая.

Таблица 1

Индекс социальной дистанции жителей Екатеринбурга с мигрантами из стран Центральной Азии

Ранг группы	Этническая группа	Индекс социальной дистанции
1	Казахи	4,49
2	Киргизы	5,14
3	Туркмены	5,17
4	Узбеки	5,18
5	Таджики	5,25

Жители Екатеринбурга ощущают социальную дистанцию по отношению к трудовым мигрантам как довольно длинную: выше четырех баллов.

Известно, что качество миграционного потока из Центральной Азии в Россию не высоко. В своей массе прибывающие имеют низкий уровень образования и недостаточный профессиональный уровень, большинство являются выходцами из сельской местности, ограниченными строгими религиозными рамками (что в первую очередь касается женщин) и иерархией социального устройства отпускающего сообщества, плохо владеют русским языком, являются представителями невысоких социальных слоев.

Несмотря на отстраненность принимающего сообщества от трудовых

мигрантов, они становятся его частью и участвуют в формировании российского общечеловеческого капитала и его качества. Стоит отметить прямую связь между данным ресурсом и уровнем благосостояния страны, что также отмечает, например, Муссарат Хадиджа Хан, указывая на значение человеческого капитала как одного из важнейших факторов экономического роста за счет повышения уровня образования и улучшения состояния здоровья населения⁴.

Стигматизированный путь восприятия мигрантов российским сообществом приводит к процессам социальной депривации. Результатом становятся большие сложности, возникающие у пытающихся адаптироваться в российском обществе приезжих, и практически полная невозможность их развития. Таким образом, отношение россиян к мигрантам не только не способствует их улучшению как части человеческого капитала страны, но и зачастую ухудшает.

Обратной реакцией приезжих является страх или недоверие (иногда латентное презрение) к принимающему сообществу, что ведет к нежеланию социального сближения и реализуется в закрытости, капсулировании.

Таблица 2

Требования к нерусским мигрантам из Центральной Азии
% от числа опрошенных

Перечень требований	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Соблюдать наши законы	69,1	66,4	67,7
Знание русского языка	65,0	62,5	63,6
Соблюдать культурные нормы, принятые в России	62,3	64,8	63,6
В общественных местах говорить только на русском языке	29,5	29,2	29,4
Молодежь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе	27,3	27,3	27,3
Не создавать при расселении «этнические кварталы»	22,3	19,4	20,7
Не претендовать на рабочие и учебные места, которые могли бы занять россияне	13,6	23,3	18,8
Не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов	15,5	19,0	17,3
Не демонстрировать свои культурные отличия в одежде, поведении, обычаях	15,0	12,3	13,5
Другие требования	2,3	2,0	2,1
Не знаю	2,7	1,6	2,1
Нет ответа	0,5	0,0	0,2

⁴ Khan M. K. Contribution of female human capital in economic growth: an empirical analysis of Pakistan (1972–2012). Qual Quant, 2016, N 50, pp. 709–728.

Тезис об отрицательном отношении к трудовым мигрантам подтверждают и данные нашего опроса: большинство екатеринбуржцев (60,2% опрошенных) негативно воспринимают выходцев из Центральной Азии, составляющих в силу географического положения Екатеринбурга большую часть потока, и не согласны с их присутствием в городе. Важно отметить, что основной причиной называется неприятие мигрантами местных моделей поведения и четкое требование принять культурные нормы поведения россиян. В этом респонденты обоих полов единодушны. Но и при выполнении этих условий лишь 30,7 % опрошенных екатеринбуржцев готовы считать приезжих «своими». Более трети однозначно считают их «чужими» (33,4 %), остальные затруднились ответить на вопрос, что также наталкивает на размышления.

Таким образом, основной причиной критического отношения к мигрантам называются позиции, связанные с ощутимыми культурными отличиями, вызывающими актуализацию базовых социально обусловленных процессов и функций. К таким функциям относится и социальная идентичность, то есть понимание человеком себя как единицы, принадлежащей к определенному обществу и несущей защитную функцию, направленную на сплочение социума перед лицом потенциальной или реальной опасности. Осознается также национальное различие между представителями разных обществ.

В основе исследования лежит концепция С. Хантингтона, рассматривавшего формирование идентичности как процесс, в ходе которого могут возникать множественные идентичности, дополняющие друг друга или вступающие в конфликт. Хантингтон выделял несколько источников, формирующих идентичность: естественные (аскриптивные), территориальные, экономические, политические, культурные и социальные. Источники – это группы влияния, в которые включен человек. Под воздействием этих групп могут появляться новые идентичности⁵. В результате миграции источники идентичности меняются. Поэтому запускаются процессы появления новых идентичностей и встраивания их в систему самосознания индивида.

Основываясь на подходе В. А. Ядова, мы разделяем понятия идентичность и идентификация. Идентичность – это четкое понимание человека, с какими социальными группами он чувствует общность. Идентификация же является процессом достижения этого понимания через осмысление и выбор норм различных социальных структур⁶. Идентификация, в отличие от идентичности, не подразумевает «готовых» установок у субъекта. Она предполагает поиск идентичности и ее постоянную трансформацию⁷. Та-

⁵ См. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

⁶ Ядов В. А. Социальные и социально-философские механизмы формирования социальной идентичности // «Мир России», 1995, № 3, с. 4.

⁷ Санина А. Г. Генезис идей идентичности в социологии и смежных науках // «Социологические исследования», 2014, № 1, с. 3-11.

ким образом, социальная идентичность может меняться под воздействием тех или иных факторов. Социальная идентичность понимается нами как примордиальная функция, в то время как идентификация имеет конструктивистскую природу. Это значит, что в человеке как социальном существе заложена необходимость в самоидентификации и самоотождествлении с каким-либо социумом и его основными характеристиками. Однако то, какой будет эта идентичность, зависит от условий, в которых человек рос, воспитывался и находится. То есть процесс идентификации пластичен, а значит, поддается корректировке в течение всей жизни. Данное воззрение на идентичность и идентификацию дает нам основание утверждать, что сращивание идентичностей разных культур возможно и будет способствовать более спокойному и продуктивному сосуществованию народов на одной территории.

Формирование общей социальной идентичности для иноэтничных мигрантов и принимающего российского сообщества возможно, если будут найдены факторы, сближающие их: например, согласие мигрантов соблюдать российские законодательные и культурные нормы, а также соответствовать общепринятым социальным требованиям. Наши данные показывают, что мигранты из Центральной Азии в первую очередь готовы принять нормативно-правовые требования (92,2 %), требование знать русский язык (89,6 %) и соблюдать российские культурные нормы (76,1 %). Выполнять повседневные нормы поведения принимающего сообщества согласны около трети мигрантов (например, с тем, что надо не отличаться от жителей Екатеринбурга стилем одежды, согласны лишь 30,9 % опрошенных мигрантов). Этот вывод подтверждают ответы на прямой вопрос о готовности менять свои повседневные привычки для безопасной жизни в Екатеринбурге. Готовность кардинально изменить свои поведенческие привычки высказали лишь 11,7 % опрошенных мигрантов, частично их поменять – 35,5 %, совершенно не готовы меняться 16,5 % респондентов.

Данные исследования наглядно демонстрируют, что важнейшим элементом во взаимоотношении россиян и мигрантов из Центральной Азии является культура, а точнее, разница культур. Именно поэтому мы настаиваем на отдельном рассмотрении дефиниции «культурная идентичность», коррекция которой может стать фактором значительного снижения взаимной неприязни. Появление общей культурной идентичности – это не простой процесс, а результат идентификации представителей данных групп в меняющихся социальных условиях, которые заставляют индивида «надастраивать» над базовой культурной идентичностью новые уровни. Таким образом, не исключено появление новой, объединяющей россиян и трудовых мигрантов культурной надстройки, на основе которой массово будет формироваться новая идентичность с новой культурой, не имеющей прецедента в мировой истории.

Ключевые слова: трудовые мигранты, культурная идентичность, неприятие, адаптация

ԻՐԻՆԱ ԲՐԻՏՎԻՆԱ, ՊՈԼԻՆԱ ՇՈՒՄԻԼՈՎԱ – Մշակութային ինքնությունը որպես ռուսաստանցիների և Կենտրոնական Ասիայից այլազգի միգրանտների փոխհարմարման գործիք – Հենվելով սոցիոլոգիական հարցումների արդյունքների վրա որոնք իրականացվել են (ՌԴ) Եկատերինբուրգ քաղաքի բնակիչների, ինչպես նաև Կենտրոնական Ասիայի երկրներից ժամանած աշխատանքային միգրանտների հետ՝ հեղինակները բնութագրել են այդ երկու համայնքների փոխհարաբերությունները: Նրանց կարծիքով, այդ համայնքների միջև նկատվող բացասական վերաբերմունքը հետևանք է մշակութային առանձնահատկությունների սխալ ընկալման և փոխամերժողական վարքագծի: Ընդհանուր սոցիալական ինքնությունն ու դրա հիմքում գտնվող մշակութային ինքնությունը վերլուծված է Ս. Հանթինգթոնի՝ ինքնության ձևավորման գործոնների վերաբերյալ մոտեցման շրջանակներում: Բացահայտվել է, որ ռուսաստանցիների և Կենտրոնական Ասիայի երկրներից ժամանող աշխատանքային միգրանտների միջև հարաբերությունների հիմնական բաղադրատարրը մշակութային տարբերությունների ամբողջությունն է: Ըստ այդմ՝ առաջարկվում է հստակեցնել «մշակութային ինքնություն» եզրույթն ու դրա կիրառման միջոցով նվազեցնել այդ հիմքով ծագող միջմշակութային լարվածությունը:

Բանալի բառեր – աշխատանքային միգրանտներ, մշակութային ինքնություն, հարմարում, մերժում

IRINA BRITVINA, POLINA SHUMILOVA – Cultural Identity as an Instrument of Mutual Adaptation of Russians and Migrants of Different Ethnicity from the Countries of Central Asia. – Based on the sociological surveys of the residents of Yekaterinburg (Russia) and the migrant workers from Central Asian countries on the territory of Russia, the authors characterize the relationship between these two communities. The results show that the main reason for a negative attitude is primarily a cultural rejection and misunderstanding the cultural features of the other community. Shared social identity and the cultural identity in its core is analyzed within the framework of Samuel Huntington's approach on the factors of identity formation. These studies demonstrate that the most important element in the relationship of Russians and migrants from the countries of Central Asia is culture or rather cultural differences. That is why the authors insist on a separate examination of the definition "cultural identity", the correction of which can result in a significant reduction of mutual hostility.

Key words: labor migrants, cultural identity, rejection, adaptation